

Из истории российских университетов

© 1998 г. А.Ю. АНДРЕЕВ*

О НАЧАЛЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В 1983 г. в истории отечественного высшего образования возник спор, значение которого вскоре вышло за узкие академические рамки. Не доведенный в то время до конца, он неожиданно и громко откликнулся в новейших решениях российского правительства. 13 ноября 1997 г. в "Российской газете" было опубликовано постановление правительства РФ "О Санкт-Петербургском государственном университете", в котором, "в связи с исполняющимся в 1999 году 275-летием со дня основания", оно планирует оказать содействие в проведении торжеств, а также устанавливает особый режим его финансирования по сравнению с остальными ВУЗами страны.

Мы столкнулись с удивительным явлением. Впервые в российской истории почти на сто лет (с 1819 на 1724 год) официально переносится дата основания одного из центральных ее учебных заведений – Петербургского университета. При этом пересмотру подвергаются сами основы истории высшего образования в России. Петербургский университет, как вытекает из правительственного постановления, становится старейшим российским университетом, перенимая права, ранее принадлежавшие Московскому. Его образовательные традиции не только оказываются старше московских на тридцать лет, но и получают осязание именем нового основателя – императора Петра I.

Научные следствия этого переворота столь существенны, что не могут считаться утвердившимися в науке без развернутого обсуждения. Между тем, возьмем на себя смелость заметить, что сторонниками этой новой концепции истории российского высшего образования является довольно небольшая группа историков, преимущественно принадлежащих к самому Петербургскому университету. Несмотря на бытование в течение полутора десятилетий этой концепции, она не находит признания в современных обобщающих исторических трудах, энциклопедиях, справочниках и монографиях, которые, затрагивая тему времени открытия Петербургского университета, в лучшем случае ограничиваются указанием на существующее мнение о его основании в 1724 г. Тем удивительнее закрепление этой концепции правительственным постановлением и тем важнее вернуться к ее обсуждению накануне предполагаемого юбилея и подробно исследовать как научную обоснованность такого решения, так, что не менее важно, и конкретные концептуальные проблемы историографии высшего образования в России XVIII в., которые сделали возможной саму попытку такого пересмотра.

В 1983 г. в еженедельнике Ленинградского университета Ю.Д. Марголис и Г.А. Тишкин впервые опубликовали статью, где попытались обосновать "единство истории университетского образования в Петербурге с момента возникновения основанного Петром I университета в 1724 году"¹. В 1988 г. вышла их совместная монография "Отечеству на пользу, а россиянам во славу (Из истории университетского образования в Петербурге XVIII века)", цель которой, заявленная уже в первых строках предисловия, заключалась в доказательстве того, что возраст Петербургского университета на сто лет больше, чем это обычно считается. Авторы объединили его историю с историей так называемого Академического университета, открытого при Академии наук, причем продлили общеизвестный историкам период деятельности этого учебного заведения на последние десятилетия XVIII в. и увязали его затем в непрерывную цепочку с "заново" открывающимся в 1819 г. Петербургским университетом. Как указывалось в книге, в 1988 г. руководство Ленинградского Государственного университета

---

* Андреев Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

имени А.А. Жданова после создания специальной комиссии приняло решение включить в проект Устава ЛГУ день 28 января 1724 г. в качестве даты основания университета.

Суть концепции Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина, поддержанной руководством ЛГУ, включала, таким образом, два ответственных научных положения: 1) в 1724 г. в России было создано учебное заведение (так называемый Академический университет), являющееся первым отечественным университетом; 2) Петербургский университет в его нынешнем состоянии является правопреемником Академического университета, что позволяет их считать одним и тем же высшим учебным заведением.

По нашему мнению, оба эти положения глубоко ошибочны. В настоящем исследовании хотелось бы подчеркнуть правомерность и научную обоснованность иной точки зрения, которая нашла отражение в большинстве современных исторических работ. Согласно ей, в действительности, так называемый Академический университет, несмотря на свое название, так и не состоялся в качестве российского высшего учебного заведения и поэтому может рассматриваться лишь как попытка его создания. Основанный же столетием позже Петербургский университет, в силу ряда причин запоздавший с открытием по сравнению с другими университетами, появившимися в царствование Александра I, не имеет преемственной связи с университетом при Академии Наук.

Традиционная дата основания Петербургского университета – 1819 г. – никогда не вызывала сомнения ни у собственных его профессоров, ни у историков науки и просвещения в течение всего XIX и большей части XX в. Петербургский университет торжественно отпраздновал свой 25-летний (1844), 50-летний (1869), 100-летний (1919) и 150-летний (1969) юбилей. В приуроченных к этим юбилеям фундаментальных исторических трудах отсутствует и тень сомнения относительно момента действительного возникновения Петербургского университета, а также подчеркивается неполноправный статус Академического университета и его роль только как подготовительного, во многом неудачного опыта в развитии высшего образования в Петербурге XVIII в.

В.В. Григорьев в посвященной 50-летию юбилею "Истории Петербургского университета" писал: "Санкт-Петербургский университет – один из самых младших в семье русских университетов. Не говоря уже о Гельсингфорском (бывшем Абовском), существовавшем 230 лет, и о Дерптском, который считает себя еще старше, хотя в действительности не прожил и сотни лет, Санкт-Петербургский университет моложе не только Московского, но даже Казанского и Харьковского". Задавая вопросом, отчего же открытие университета в северной столице настолько задержалось, Григорьев отмечал, что Петербург, казалось, менее нуждался в университете, нежели Казань или Харьков. Для обучения дворянства здесь уже действовал кадетский корпус, в начале XIX в. был открыт Лицей, функции обучения чиновников взял на себя Педагогический институт, для воздвигания наук вообще имелась Академия. "Роскошью, а не существенной потребностью, представлялся университет для столицы Петровской России", хотя мысль о его открытии имел еще Петр Великий и лелеял после него Ломоносов².

Один из лучших знатоков истории народного просвещения в России С.В. Рождественский накануне 100-летнего юбилея подчеркивал, что "Петербургский университет явился одним из младших, сравнительно, членов семьи русских университетов и вступил в эту семью с некоторыми особенными чертами". Эти черты были продуктом долгой истории высшего образования в Петербурге XVIII – начала XIX в., проходившей в борьбе между общеобразовательными и профессиональными тенденциями в его организации. "Не академическому университету суждено было заложить в новой столице основы высшего научного образования. Вопреки своему первоначальному общеобразовательному назначению "расплодить науки в народе" университет с его гимназией постоянно сбивался на роль профессионального училища, готовящего непосредственно к академической службе"³.

Широко отпразднованный в 1969 г. 150-летний юбилей сопровождался выходом капитальной "Истории Ленинградского университета", где глава о его основании была написана С.Б. Окуном. "Идея создания университета в Петербурге, – писал историк, – возникла тогда, когда в России не было еще ни одного заведения такого рода. Однако учрежден он был уже как шестой университет Российской империи". Выделяя роль Петра I и Ломоносова в утверждении идеи необходимости открытия Петербургского университета, автор пишет о безуспешных попытках Ломоносова воплотить эту идею в жизнь, добиваясь принятия регламента Академического университета, который бы придавал ему подлинный университетский статус. В дальнейшем же, как подчеркивает автор, после смерти Ломоносова "вопрос о перестройке или выделении академического университета в самостоятельное учебное заведение не поднимался. А вскоре, к концу столетия, академический университет был ликвидирован, не оставив в документах точной даты своего конца"⁴.

Взгляд на судьбу Академического университета как несложившегося учебного заведения, почерпнутый из цитированных работ, поддерживают и авторы совсем недавнего обобщающего исследования по истории высшего образования в России. "Как таковой, университет практически не существовал, – пишут они, – 3–4 профессора временами читавшие лекции и 20 (максимум) студентов, иногда их слушавших. Он не стал общероссийским центром высшего образования, университетом в широком смысле слова... Первая попытка оказалась не совсем удачной, так как почва для создания университета в России была слабо подготовлена"⁵. Наконец, интересно, что и сам Ю.Д. Марголис в статье об Академическом университете для современной энциклопедии "Отечественная история" высказывает гораздо более осторожную, чем в монографии, точку зрения, определяя его не как первый российский университет, а лишь как "высшее учебное заведение, к деятельности которого восходит начало университетского образования в России" и показывая, что "попытки Ломоносова преобразовать Академический университет в *полноправный* (курсив мой. – А.А.) университет не встретили поддержки в правительственных кругах"⁶.

Таким образом, приведенные историографические высказывания не дают оснований Петербургскому университету претендовать на свой 275-летний возраст и право называться старейшим в России. Это право в отечественной истории всегда принадлежало Московскому университету, к тому же отметим, что такое первенство было закреплено за ним *законодательно*. Это было сделано в начале XIX в., т.е. именно в то время, когда по логике авторов новой концепции преемственность высшего образования в Петербурге от века предшествующего должна бы воочию быть видна как современникам, так и правительству. 5 ноября 1804 г. император Александр I подписал Утвердительную грамоту Московского университета, открывавшуюся словами: "Обращая особенное внимание Наше на Московский Императорский Университет, который чрез целые полвека имел столь великое участие в образовании людей, способных для Государственной службы, в распространении знаний и наипаче в усовершенствовании отечественного языка, рассуждали Мы за благо изъявить чрез сие торжественную признательность Нашему сему *первому в России высшему Училищу* (курсив мой. – А.А.), даровав оному новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени"⁷.

Особенности "новой концепции" истории Петербургского университета

Прежде чем перейти к критике конкретных положений концепции Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина, следовало бы сказать об их общем отношении к предшествующей историографической традиции, которой, как показано, они резко противоречат. Дело в том, что, по мнению авторов, все труды их предшественников – историков Петербургского университета, писавших о нем в дореволюционную эпоху, – принадлежали консерваторам-реакционерам или их приспешникам, стремившимся всеми силами отрицать существование университета в Петербурге в XVIII в. Особенно этим отличался "неуклонный враг университетского образования, реакционный министр народного просвещения" Д.А. Толстой, работы которого авторы называют "закамуфлированными под научное исследование" (ссылками на документы, архивными материалами и т.п.)⁸. Именно он в своих классических исследованиях по истории народного образования в Петербурге XVIII в. "украл" 100 лет у истории Петербургского университета, намеренно вводя в заблуждение многие поколения исследователей. Если в годы, когда писалась монография, такое отношение к дореволюционным историкам казалось вполне допустимым, то противоречить советским коллегам было гораздо труднее и для этого требовались определенные историографические натяжки. Именно к ним прибегают авторы, приводя слова С.Б. Окуня о том, что 1819 г. "принято считать" датой основания университета, в качестве "взвешенной" позиции современного историка, пытаясь затемнить его вполне четко, как мы видели, сформулированное мнение по этому вопросу.

Что же касается "камуфлирования" своих утверждений под научно обоснованные, то, по видимому, и самих авторов новой концепции нельзя назвать свободными от этого недостатка. Так, например, сколько страниц посвящено гневным энцикликам в адрес Д.А. Толстого, и его якобы ложного утверждения о том, что после 25 ноября 1765 г. мы "не находим более в академических протоколах никаких распоряжений об университете, ни распределения профессорских лекций для студентов"⁹. В качестве опровержения авторы приводят расписание лекций, которые должны были начаться 7 января 1766 г. Тем не менее, отсутствие дальнейших упоминаний об университете в академических протоколах несомненно верно и может быть

проверено по их изданным текстам¹⁰. Более того, Е.С. Кулябко, производившая специальные архивные разыскания, на результаты которых пытаются опираться авторы, определенно приводит объявление 1766 г. как *последнее* из объявлений о лекциях в Академическом университете, относящееся к году прекращения всякой его деятельности¹¹. Мимоходом же брошенное замечание авторов о существовании объявлений последующих лет, без соответствующих ссылок на публикации, должно остаться на их совести¹².

Не менее странная ситуация складывается с утверждением авторов, что Петербургский университет якобы упомянут в указе Екатерины II от 4 марта 1784 г.¹³ Текст указа (ПСЗ, Т. 22, № 15948) не дает оснований для этого. Напротив, в указе ясно сказано о существовании двух научно-просветительских центров России, которые должны оказать помощь в создании российской системы средних школ. "Комиссия об установлении в Государстве народных училищ, по делам ей вверенным, на пользу и просвещение народное имея надобность в ученых людях, ни от кого в том лучшего пособия заимствовать не может, как от Наших здешней Академии и Московского университета". Обращаясь к ним за помощью, правительство обещало, что тот из академиков, профессоров и адъюнктов, кто будет употреблен комиссией, "место свое в Академии или Университете со всеми к тому принадлежащими выгодами сохранять неотъемлемо долженствует". Таким образом, указ подчеркивает уникальное значение в развитии российского образования двух учебных заведений – петербургской Академии наук и Московского университета. Несуществующему Петербургскому университету в этом ряду, конечно же, не находится места.

Впрочем, и отсутствие упоминаний о Петербургском университете в проектах екатерининских реформ в области народного просвещения не воспринимается авторами как противоречащее концепции. Парадоксальность их логики видна в их сочувствии следующему замечанию: "Обращает на себя внимание отсутствие в списке будущих университетских городов Петербурга. Не является ли это свидетельством того, что правительство считало столицу обеспеченной университетом?"¹⁴ Следуя таким рассуждениям, можно предположить, что все документы конца XVIII в., в которых не упоминается Петербургский университет, просто молчаливо "подразумевают" его существование. Анекдотично в этом ряду "доказательств" смотрится факт прихода за всю вторую половину XVIII в. двух пакетов на имя университета в Петербурге, что якобы свидетельствовало о его мировой известности (и это на фоне исчисляющейся сотнями писем международной переписки с упоминанием Московского университета в те же годы¹⁵). Красноречиво само употребление пакетов, тут же приведенное авторами, – они были переданы "для использования в академической гимназии"¹⁶.

Важнейший ключ к пониманию методологии авторов новой концепции дают, по нашему мнению, их рассуждения о преемственности истории Петербургского университета в XVIII в. «Обнаружились недостатки буквалистической, узконаправленной интерпретации преемственности как непосредственного продолжения истории "учреждения"», – пишут они. Укрываясь за фразами о "многофункциональности, многомерности крупных явлений культуры", авторы приводят очень важное утверждение для их понимания истории университета: **«Преемственность идей важнее преемственности "бумаг"»**¹⁷. Речь, таким образом, не идет о каком-либо реальном учреждении, существование которого фиксировано документально, а лишь о "духе", т.е. *призраке* Петербургского университета XVIII в. Почему, правда, порожденный авторами исторический призрак должен праздновать свой юбилей, не вполне ясно. Нам же остается сказать, что методология настоящего исследования совершенно противоположна: мы рассматриваем именно институциональную историю Академического и Петербургского университетов по правительственным документам и проблемы функционирования этих институтов в конкретной исторической обстановке.

Статус Академического университета в правительственных документах XVIII в.

История развития науки в Европе средних веков и раннего нового времени выработала две устойчивые формы ее организации – университет и Академию наук, каждая из которых имела строго очерченный круг деятельности. Под Академией наук понималось ученое общество, частное или содержавшееся за счет государства, которое занимается наукой "не для практических целей, а для нее самой"¹⁸. Углубляя и совершенствуя науки, Академия не занималась обучением этим наукам, так как образовательные задачи был призван решать университет. Его понятие включало в себя "представление о высшем учебном заведении, которое, имея целью свободное преподавание и развитие всех отраслей науки, независимо от их

практического приложения, пользуется вместе с тем, под контролем правительства, широким самоуправлением (органы его – ректор, совет и правление) и предоставляет слушателям значительный простор в выборе и направлении своих научных занятий и частной жизни"¹⁹.

Для России начала XVIII в. оба этих учреждения являлись принципиально новыми, несмотря на постепенное проникновение сюда западной образованности в течение всего предыдущего века. Петр I, убежденный Лейбницем в необходимости развития в России институтов европейской науки, был полностью свободен в выборе форм их организации. Тогда, со свойственной ему решительностью, он создает небывалую вещь: центральное научное учреждение его империи должно было объединять в себе функции и европейской Академии, и университета. Как показала дальнейшая история, это была несбыточная идея. Из двух учреждений с противоположными функциями под одной крышей выжить и занять подобающее место в государственной системе могло только одно, им и стала Академия наук. Современники Петра не чувствовали оксюморонное звучание сочетания "Академический университет", но удивительно, что этого не ощущают и некоторые нынешние историки, пытаясь выдать нежизнеспособное и недействительное его существование за доказательство почти трехсотлетнего возраста университетского образования в Петербурге.

28 января 1724 г. Сенат обнародовал указ Петра I об учреждении Академии наук с университетом и гимназией в ее составе²⁰. Проект указа под руководством императора подготовил лейб-медик и будущий президент Академии Л.Л. Блюментрост. Если мысль о создании в Петербурге Академии наук по образцу французской зародилась у Петра еще несколько лет назад во время путешествия в Париж, то особенностью данного проекта было постоянное подчеркивание особенностей развития образования в России по сравнению с Европой, и, вследствие этого, отличий нового здания Академии от парижского прототипа. Эти отличия концентрировались вокруг наделения Академии не только научными, но и образовательными функциями.

"Понеже ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в прочих Государствах принятому образу", – гласил указ. Поэтому его авторы предлагают "такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего Государства для размножения наук нынешним временам распространилась, но и чрез обучение и разположение оных, польза в народе впредь была". Как они полагают, "при заведении простой Академии наук обоим намерения не исполнятся, ибо хотя чрез оную художества и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однакож де оныя не скоро в народе расплодятся, а при заведении Университета меньше того", поскольку его развитие невозможно в отсутствие "прямых школ, Гимназиев и Семинариев".

Подчеркивая, что в других странах Гимназии, Университет, с одной стороны, и Академия, с другой, "никакого сообщения между собой не имеют", так как они призваны обучать наукам, а другая их развивать и совершенствовать, указ предлагал, чтобы у нас "одно здание с малыми убытками тое же бы с великою пользою чинило, что в других Государствах три разных собрания чинят, ибо оныя 1. Яко б совершенная Академия была, понеже довольно бы членов о совершенстве художеств и наук трудились. 2. Егда оныя же Члены те художества и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету, и такую ж прибыль произведет. 3. Когда данные Академикам молодые люди, которым от Его Императорского Величества довольно жалованье на пропитание определено будет, от них науку принявши и пробу искусства своего учинивши, молодых людей в первых фундаментах обучать будут, то оное здание таково же полезно будет яко особливое к тому сочиненное собрание, или Гимназиум". Все эти три части составляют единое целое, в качестве названия для которого в указе предлагается сохранить слово "Академия", "понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобно есть (кроме сего различия и авантажа, что сия Академия и то чинит, что Университету и Коллегии чинить надлежит)".

Таким образом, текст указа Петра I позволяет сделать вывод о том, что 28 января 1724 г. было основано только *одно* высшее научное учреждение России – Академия наук, которой, в отличие от европейского прообраза, были также приданы и образовательные функции. Ее собственно образовательная часть и получила название "университет", хотя никакого самостоятельного устройства, отличного от Академии, не имела. Парадоксальность статуса этого "университета" приводила к тому, что, например, некоторые иностранные ученые не сразу поняли содержание петровского указа. "Привилегированный ли Университет император намерился восстановить, где градусы даются и особливые факультеты чинятся?" – спрашивал у автора проекта лейпцигский ученый И. Менке весной 1725 г. Отвечая ему, Блюментрост пояснял, что "еще за недостатком студентов не намеренось Университет восстановить, но токмо собрание ученых, которые бы в науках про себя обращались и по малу юных обучали"²¹.

Таким образом, роль университета выполняла сама Академия, члены которой именовались также и профессорами, поскольку им вменялось в обязанность чтение публичных лекций. Это видно и по организации академического преподавания: если, согласно тексту указа Петра, в университете предполагалось создать (по европейскому примеру) юридический, медицинский и философский факультет, то уже в следующем проекте Блюментроста 1725 г., в соответствии с которым и произошло торжественное открытие Академии, преподавание полностью соответствует самим ее "классам" – математическому, физическому и гуманитарному²².

В первые годы образования "университета" при Академии наук его никоим образом нельзя даже отдаленно назвать этим именем. В нем отсутствовали такие необходимые черты настоящего университета как разработанная учебная система, программы курсов и планы преподавания предметов, собственные профессора (их набор, неустойчивый и меняющийся год от года, определялся имеющимися в наличии академиками), самостоятельное управление, отличное от управления Академии наук, а главное, права и свободы, которые являлись основой статуса университетских корпораций в Европе²³. Даже в единственной сфере деятельности университета, для чего он и предназначался, т.е. в чтении лекций, происходили значительные перебои. Начавшиеся в 1726 г. занятия велись нерегулярно, а в 1732 г. фактически прекратились. Большие трудности испытывала Академия со слушателями, так что в первые годы академики вынуждены были сами посещать лекции друг друга. Первые 8 студентов были выписаны, как и их учителя, из Германии, некоторые из этих студентов вскоре перешли в разряд академиков. В 1730-е гг., когда многие из приглашенных при Петре I ученых покидают Россию, предпринимаются попытки наполнить студенческий корпус, записывая в него учеников академической гимназии, выпускников Славяно-греко-латинской академии и других духовных училищ. Связанное с этим возобновление лекций в 1738 г. не оказалось, однако, долговечным. Бездеятельность учебной части Академии наук, как известно, послужила одним из пунктов обвинения, выдвинутого в 1742 г. против И.Д. Шумахера²⁴.

Только в середине XVIII в. у Академического университета появилась возможность обрести реальное существование в качестве высшего учебного заведения. Согласно первому уставу (регламенту) Академии наук, подписанному императрицей Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г., она разделялась "на Академию собственно и на Университет"²⁵. Университетское преподавание отделяли при этом от собственно академического устройства, предусматривая для университета права самостоятельного учебного заведения с "особливыми профессорами". Но учебный строй и теперь не получил прочной и подробной организации, для которой регламентом предполагалась разработка отдельного устава "по примеру европейских университетов". Такой устав не был принят. Заменяя его в 1750 г. временной инструкцией, президент Академии наук граф К.Г. Разумовский писал, что как "учащие, так и учащиеся поныне не находятся еще в таком состоянии, по которому бы можно было сделать совершенный университетский регламент"²⁶.

Борьба М.В. Ломоносова за открытие университета в Петербурге

В середине XVIII в. университетское образование в Европе, и особенно в Германии, переживает период расцвета. В 1734 г. был открыт и сразу же приобрел заслуженную славу Геттингенский университет, с которым традиционно связывается окончательное утверждение в университетском образовании трех свобод – управления, преподавания и обучения, – составлявших основу понятия автономии ученой корпорации в Новое время. На этом фоне зачаточное состояние так называемого университета в Петербурге было ясно тем российским ученым, которые смогли познакомиться с европейскими высшими учебными заведениями, как впрочем, и очевидны были пути его улучшения. То, что в конце петровской эпохи воспринималось как преимущество – соединение в одном учреждении функций Академии наук и Университета – на деле оказалось не в состоянии одинаково успешно организовывать фундаментальные научные исследования и учебный процесс, и в результате стало препятствием к подлинному развитию высшего образования в Петербурге. Теперь важной задачей становилось открытие настоящего российского университета, и борьбу за ее воплощение со стороны Академии наук возглавил М.В. Ломоносов.

Во время своего обучения в Германии Ломоносов получил ясное представление об организации университетского образования, возможность высказать которое у него появилась вскоре после возвращения в Россию. В 1743 г., отвечая на вопрос созданной по делу Шумахера следственной комиссии, есть ли в составе Академии Университет и "честные и славные науки

происходят ли и процветают ли", Ломоносов отправил в комиссию "Нижайшее доказательство о том, что здесь, при Академии наук, нет Университета". Оно сводилось к следующим пунктам: Санкт-Петербургский университет не может считаться действующим, поскольку он не получил высочайшей инаугурации с объявлением прав и привилегий, здесь нет регулярных лекций и нет ежегодных публичных объявлений (каталогов) о них, университет не заводит реестра студентов, при приеме не выдает им никаких "печатных законов и правил", профессора не выбирают своего ректора, а также не проводят публичных диспутов между учащимися, "и тем самое главное дело и вольности и почти душу прямого Университета оставили и уничтожили". Ломоносов также свидетельствует, что, существуя уже двадцать лет, Академический университет не имеет никакой известности, и даже имени университета вне Петербурга, что делает невозможным реализацию здесь, например, такого важного университетского права как производство в ученые степени, ибо "такого доктора, лиценциата или магистра в других университетах и Академиях признавать не будут"²⁷.

Помимо замечательной конкретной характеристики учебной части Академии, "нижайшее доказательство" содержит логически обоснованную и законченную систему требований, которые предъявлялись в XVIII в. к учебному заведению для того, чтобы оно могло заслужить название университета. Дополнительную весомость доказательству придает то, что оно исходит от современника, который к тому же впоследствии будет одним из основателей российского высшего образования.

Обойти эти хорошо известные в историографии высказывания Ломоносова авторы концепции, считающей Академический университет открывшимся в 1724 г., первым университетом в России, конечно, не могут. Поразительно, однако, как Ю.Д. Марголис и Г.А. Тишкин приписывают их "эмоциональности" российского ученого и говорят о его "гиперболах"²⁸. Во-первых, логически построенное доказательство, как мы видели, содержит не эмоциональные оценки, а систему критериев, свидетельствующих о несоответствии Академического университета своему громкому имени, которую принять за "гиперболу" довольно трудно. Во-вторых, и это более важно, Ломоносов регулярно обращается к недопустимости такого положения в учебной части Академии, и на протяжении десятилетий отстаивает необходимость ее преобразования в полноправный университет.

Так, в январе 1755 г., подавая мнение об улучшении состояния Академии наук, Ломоносов энергично доказывал необходимость существования настоящего университета в Петербурге, говоря: "Студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив, здесь почти никого не бывает, ибо здешний университет не токмо действия, но и имени не имеет". Наполнение студентами было бы возможно, "когда бы здешнему университету учинено было торжественное учреждение, и на оном программу всему свету объявлены вольности и привилегии: в рассуждении профессоров, какую имеют честь, преимущество и власть, какие нужные науки преподавать и в какие градусы производить имеют; в рассуждении студентов, какие имеют увольнения, по каким должны поступать законам"²⁹.

Почти те же мысли мы видим в "Записке о необходимости преобразования Академии наук", датированной 1758 годом, где Ломоносов характеризует положение дел в училищах при Академии за прошедшие годы. "В университете, хотя по статусу не доставало одного профессора математики и физики, однако не было в нем ни подобия университетского по примеру других государств, не было факультетов, ни ректора, по обычаю выборного повседневно, не было студентов, ни лекций, ниже лекциям каталогов, ни диспуты, ниже формальные промоции в лиценциаты и в докторы, да и быть не могут, затем что Санкт-Петербургский университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инаугурацією во всем свете публикуется; и словом главного дела не было – университетского регламента"³⁰.

Как известно, усилия Ломоносова открыть настоящий университет в Петербурге потерпели неудачу, хотя в период его ведения Академическим университетом он предпринял к этому немало шагов. Написанный Ломоносовым регламент Петербургского университета так и не был утвержден. Однако его идеи об открытии в России университета по европейскому образцу воплотились в 1755 г. с принятием проекта об учреждении Московского университета. Именно в Московский университет пришли преподавать наиболее талантливые выпускники училищ при Академии наук: Н.Н. Поповский, А.А. Барсов, Ф.Я. Яремский. Можно заключить, что благодаря деятельности Ломоносова, Академический университет передал накопленный опыт и лучших своих воспитанников действительно первому российскому университету, основанному в Москве.

Завершение деятельности Академического университета

Основным итогом истории Академического университета явился вывод о необходимости открытия полноправного российского высшего учебного заведения, наделенного организационной и правовой структурой европейских профессорских корпораций, что и осуществилось в 1755 г. в Москве. Существование же Академического университета к концу XVIII в. постепенно сходит на нет. Короткий взлет его преподавательской активности в начале 1760-х гг., связанный с деятельностью Ломоносова, заканчивается со смертью последнего, а после 1766 г. университет теряет даже название высшего учебного заведения, существуя слитно с гимназией под именем Академического училища, воспитанники старшего класса которого иногда назывались студентами³¹. Вследствие расстроенного состояния этого училища в начале XIX в., новый устав Академии наук (1803 г.) уже не предусматривал его продления.

Известное по документам существование во второй половине XVIII в. студентов при Академии наук (например, их участие в экспедициях) позволило авторам новой концепции говорить о продолжении истории Академического университета в течение всего этого периода. Они признавали, впрочем, отсутствие университетских лекций и его "особливых профессоров", утверждая, что "одна из самых эффективных форм университетского обучения была индивидуальная, которая широко практиковалась академиками-профессорами в послеломоносовское время"³². Вопрос же, можно ли такую "невидимую" форму существования, не оставляющую никаких следов в общественном просвещении и готовящую только академические кадры, считать продолжением деятельности университета, авторами не обсуждается.

Другим доказательством существования Академического университета в конце XVIII в., по мнению авторов, служит возобновление с 1775 г. публичных лекций при Академии. Доступ на лекции был свободный, они пользовались популярностью, здесь можно было, например, увидеть "множество морских и горных офицеров", а на рубеже веков даже некоторых светских дам. Важно, однако, подчеркнуть, что организация этих лекций не имела никакой формальной связи с деятельностью Академического университета. В регламенте 1747 г. мы не находим ни слова об обязанностях университетских профессоров вести такие занятия. Их проведение ориентировалось на более давнюю академическую традицию, восходившую к петровскому указу, предусматривавшему обязательные публичные лекции академиков. В газетных объявлениях того времени на лекции приглашали "всех любителей добрых наук, а наипаче рачителей к учению"³³. По истории других высших учебных заведений, например, Московского университета, мы знаем, что публичные лекции, составляя часть учебной деятельности, направленной на общественное просвещение, не могут заменить все преподавание в университете в целом. В разношерстной публике, посещавшей лекции, трудно увидеть студентов Петербургского университета, как нельзя их видеть и в старших учениках академической гимназии ("элевах"), которым посещение этих лекций вменялось в обязанность³⁴.

Таким образом, и существование академических студентов, и публичные лекции академиков, как по отдельности, так и вместе взятые, не могут свидетельствовать о продолжении деятельности Академического университета в последней трети XVIII в., поскольку одни (студенты и "элевы") были частью истории гимназии при Академии наук, другие же продолжали просветительскую традицию Академии, восходящую к петровским временам и не имеющую формальной связи с университетом.

Своеобразие реальной картины учебной части при Академии в конце XVIII в. можно объяснить, учитывая то, что хотя формально Академический университет никто не закрывал, но фактически он прекращает всякую деятельность (т.е. чтение лекций) после 1766 г., к которому относится последнее из дошедших до нас объявлений об университетских лекциях. Однако в последующие годы, когда приходилось составлять отчеты по Академии наук, опираясь на ее регламент, в них *необходимо* было упоминать университет (разбор такого отчета "Об университете и гимназии" за 1782 г. Ю.Д. Марголис и Г.А. Тишкин приводят в другой своей работе³⁵). Студентами (или "элевами") здесь числились, как указывают сами авторы, *учащиеся старшего "первого" класса Академической гимназии*. Формально не отмененным существованием университета в академической структуре объясняется и его упоминание в следующем описании состояния училища при Академии в 1801 г., которое мы находим в письме академиком Александру I накануне будущей реформы. "Училище при академии, по регламенту оной положенное и состоять должествующее из гимназии, в 20-ти учениках, и университета, в 30-ти студентах, ныне столь расстроено, что совсем не походит на то место, в котором основание просвещения своего получили толь славные мужи, каковы суть: Ломоносов, Барсов, Поповский – первые столпы процветающего ныне Московского

университета, и многие другие, честь россиянам приносящие. Ибо училище сие, в нынешнем его состоянии, если не хуже, что в Англии называют школами подаяния (school of charity), то равняется оным, но и то может быть в содержании, а не в учебных пособиях". Академики приводили даже мнение, что "с сим порядком понапрасну иждивение государства тратится"³⁶. Это влекло естественное требование об изменении регламента и о формальном закрытии университета и гимназии, которое и произошло с принятием нового устава Академии в 1803 г. (Интересно, что Марголис и Тишкин приводят это письмо только как еще одно свидетельство существования Академического университета на рубеже XVIII–XIX вв.).

В прекращении деятельности Академического университета в последней трети XVIII в. есть своя закономерность, и оно вовсе не должно быть приписано злой воле нерадивых академиков. Причина этого все в том же недостаточно оформленном, несамостоятельном статусе университета по регламенту 1747 г., о чем постоянно писал Ломоносов. Для полнокровного развития университета необходимо было создание его профессорской корпорации, но именно потому, что в середине XVIII в. Академия наук уже приобрела устойчивый статус центра научной жизни Петербурга, возникновение внутри нее еще одной корпорации представлялось лишним, а сами же академики не могли считать преподавание своим главным занятием. В такой ситуации значение университета поддерживалось только усилиями нескольких его патриотов (С.П. Крашенинникова, М.В. Ломоносова), а с их уходом его роль сама собой сузилась до подготовки академических кадров, т.е. задачи, решать которую непосредственно была призвана гимназия при Академии. Именно к ее истории и относятся известные факты подготовки академических студентов.

Вопрос об открытии Петербургского университета в начале XIX в.

Обращение к документам предыстории открытия Санкт-Петербургского университета, начинающейся в 80-е гг. XVIII в., позволяет доказать ошибочность и второго главного тезиса авторов новой концепции о якобы имевшей место "правопреемственности" между Академическим и Санкт-Петербургским университетом. Поскольку это утверждение держится на попытке представить возникшую в 1783 г. Учительскую семинарию в качестве наследницы Академического университета, необходимо рассмотреть правительственные решения о ее создании.

9 июня 1783 г. указом императрицы Екатерины II в Петербурге было основано Главное Народное училище, в составе которого предполагалась Учительская семинария или гимназия (в 1786 г. она выделилась из Главного Народного училища в отдельное учебное заведение). Задачу гимназии указ видел в "удобнейшем снабдении разных народных училищ потребным числом учителей"³⁷. Таким образом, цели и организационное устройство Учительской гимназии резко отличались от учебных заведений при Академии наук. Деятельность последних была направлена на подготовку академического состава, тогда как учительская гимназия выполняла важную функцию по воспитанию российских учителей, восполняя отсутствие училищ педагогического профиля в образовательной системе екатерининского времени, скопированной с австрийского образца³⁸. Столь существенное различие целей уже делает бессмысленной постановку вопроса о преемственности между учительской гимназией и Академическим университетом. В организационном плане между ними также не было ничего общего: учительская гимназия не подчинялась Академии наук и находилась в непосредственном ведении Комиссии народных училищ³⁹. Единственное, что сближало ее с Академией, это возможность посещения воспитанниками публичных лекций и некоторые общие преподаватели, что было естественным следствием значения Академии наук как центра научной жизни Петербурга и сосредоточения наиболее квалифицированных кадров.

Хотя Учительская гимназия, как и училище при Академии, в начале XIX в. переживала упадок, именно она была восстановлена в период реформ образовательной системы России в начале XIX в., а в дальнейшем послужила ядром, из которого возник Петербургский университет. Вопрос о необходимости открытия (а не возобновления) университета в Петербурге обсуждался на заседаниях Главного правления училищ и нашел свое отражение в разработанных им "Предварительных правилах народного просвещения", утвержденных Александром I 24 января 1803 г.⁴⁰. Согласно правилам, Петербург становился центром учебного округа, включающего четырехступенчатую систему народных училищ с университетом во главе. "В округах учреждаются Университеты для преподавания наук в высшей степени; ныне назначаются их шесть, а именно: кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте,

учреждаются в округе Санкт-Петербургском, Казани и Харькове"⁴¹. Еще раз обратим внимание, что в тексте правил речь идет об учреждении университета в центре Санкт-Петербургского округа, а не о восстановлении или продолжении его деятельности, среди же уже существующих собственно российских университетов назван только Московский.

Дальнейшее развитие процесса учреждения университета также показывает отсутствие представлений о каких-либо университетских традициях Петербурга, связанных с Академическим университетом. Был избран путь, типичный для новых университетских городов России – преобразовать в университет уже существующую в городе гимназию. Так было в Казани, где университет открылся на месте основанной в 1758 г. Казанской гимназии, и Харькове, где базой университета послужил Харьковский коллегиум. В Петербурге аналогичную роль сыграла именно Учительская семинария, и то, что в процессе учреждения университета совершенно отсутствует упоминание о гимназии при Академии наук, свидетельствует явно против утверждений о начатках там высшего образования и какой-либо преемственности между училищем при Академии и будущим университетом.

Существенное отличие учреждения Петербургского университета от Казанского и Харьковского заключалось, однако, в том, что Учительская гимназия получила 16 апреля 1804 г. имя Педагогического института как отделения "имеющего быть в Санкт-Петербурге университета"⁴². Таким образом, настоящее открытие университета откладывалось. Весьма убедительную попытку вскрыть причины этого решения предпринял С.Б. Окунь, писавший о роли попечителя Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцева, в воле которого было задержать окончательное учреждение университета. Попечитель не желал делиться с ним властью над округом; кроме того, Петербургский округ, как столичный, находился под особым контролем непосредственно Главного правления училищ, также не спешившего расстаться с частью своих полномочий⁴³.

Тем не менее, постепенная подготовка к открытию университета в Петербурге происходила. В 1808 г. Новосильцев посылает 12 лучших студентов из первого выпуска Педагогического института обучаться за границу. Составляя инструкцию для их образовательной командировки, он объяснял: "Высочайшим постановлением по части Министерства народного просвещения предположено в здешней столице учредить Университет, коего и штат утвержден Государем Императором. Санкт-Петербургский Педагогический институт есть отделение сего Университета и содержит суммами оною". Главный же предмет при образовании университета есть "доставление сему заведению Профессоров и Адъюнктов", поэтому вернувшиеся студенты, по плану Новосильцева, составили бы кафедры будущего университета⁴⁴. Но возвращение командированных пришлось уже на пору Отечественной войны, и вопрос об открытии университета был вновь отложен.

Вторая половина александровского царствования, как известно, была отмечена серьезными колебаниями в просветительской политике, не создававшими в целом благоприятной почвы для открытия нового российского университета. В 1816 г. происходит реформа Педагогического института, утверждающая его особый статус уже вне университетской системы, что откладывало открытие университета на совершенно неопределенное время. Как гласил указ от 23 декабря 1816 г., "Санкт-Петербургский Педагогический институт, составлявший доселе временное отделение предположенного здесь Университета, утверждается в особенном и неперменном существовании своем под именем Главного Педагогического института"⁴⁵. Неожиданно последовавшее вслед за этим преобразование Главного Педагогического института в Петербургский Университет, как показал С.Б. Окунь, было результатом сложной борьбы между министром духовных дел и народного просвещения князем А.Н. Голицыным и попечителем Петербургского учебного округа С.С. Уваровым. Показательно, что в ходе этой борьбы ни разу не упоминалось об уже якобы существующем университете в Петербурге, хотя такой аргумент имел бы в споре двух сановников важнейшее, если не ключевое значение. Завершающим актом этого процесса явилось "первоначальное образование" Петербургского университета по проекту С.С. Уварова, подписанное Александром I 8 февраля 1819 г.⁴⁶. Этот день по праву и считается датой рождения Петербургского университета.

На основе приведенных фактов, можно заключить, что: 1) Академический университет не может считаться первым университетом России, которым по праву вот уже почти 250 лет является Московский университет; 2) основанный в 1819 г. Петербургский университет не имеет преемственной связи с Академическим университетом и не может, таким образом, праздновать в качестве даты своего основания день учреждения последнего.

Всячески уважая и приветствуя усилия российского правительства поддержать Петербургский университет и отпраздновать в 1999 г. его юбилей, мы видим к этому действительно достойный повод – 180-летие настоящей даты его основания. В этом же году свой 275-летний

юбилей будет отмечать Академия наук, и его составной частью является память об учреждении Петром I "Академического университета". Этими подлинными юбилеями в истории российского образования и науки можно и должно гордиться, но вот "на пользу ли Отечеству" пойдет усвоение ложных исторических традиций и удревление Петербургского университета на стол лет? Как мы видели, и мысли об этом не допускали ни Ломоносов, писавший в середине XVIII в. об отсутствии в Петербурге настоящего университета, ни император Александр I, утвердивший в 1804 г. грамоту, торжественно закреплявшую права Московского университета на звание первого в России, ни С.С. Уваров, не замечавший якобы 100-летней истории Петербургского университета в своих спорах с А.Н. Голицыным, ни, наконец, несколько поколений историков отечественного высшего образования, не находивших в дате основания Петербургского университета даже намека на историческую проблему.

Примечания

- ¹ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Сколько лет Петербургскому–Ленинградскому университету? // Ленинградский университет. 1983. 18 марта. С. 6.
- ² Григорьев В.В. История Санкт-Петербургского университета в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 3.
- ³ Рождественский С.В. Первоначальное образование Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919. С. 1–3.
- ⁴ История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л., 1969. С. 12.
- ⁵ Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. С. 53.
- ⁶ Марголис Ю.Д. Академический университет // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 40.
- ⁷ ПСЗ. Т. 28. № 21502.
- ⁸ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988. С. 155.
- ⁹ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885. С. 61.
- ¹⁰ Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. В 4 т. / Под ред. К.С. Веселовского. СПб., 1897–1911.
- ¹¹ Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельности Академии наук. М.; Л., 1962. С. 121.
- ¹² Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 24.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 195.
- ¹⁵ Письма иностранных ученых куратору Московского университета И.И. Шувалову в настоящее время готовятся к изданию.
- ¹⁶ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 180.
- ¹⁷ Там же. С. 217.
- ¹⁸ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. 1. СПб., 1890. С. 250.
- ¹⁹ Там же. Т. 34 а. С. 751.
- ²⁰ ПСЗ. Т. 7. № 4443.
- ²¹ История Академии наук СССР. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 145.
- ²² Там же. С. 146.
- ²³ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII – начала XIX в. Т. 1. СПб., 1912. С. 158–180.
- ²⁴ Кулябко Е.С. Указ. соч. С. 43.
- ²⁵ ПСЗ. Т. 12. № 9425.
- ²⁶ Рождественский С.В. Очерки по истории... С. 180.
- ²⁷ ЧОИДР. 1865. Кн. 1. Р. 2. С. 58.
- ²⁸ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 63.
- ²⁹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.; Л., 1959. С. 20–21.
- ³⁰ Там же. С. 41.
- ³¹ См., напр.: Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. 3. (1786 г.) С. 186.
- ³² Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 164.
- ³³ История Академии наук СССР. С. 147.
- ³⁴ Там же. С. 424.
- ³⁵ Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Новое о деятельности Е.Р. Дашковой в Петербургском университете // Российский менталитет: история и современность. Л., 1994. С. 29.
- ³⁶ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 362.

³⁷ ПСЗ. Т. 21. № 15755.

³⁸ Рождественский С.В. Очерки по истории... С. 578.

³⁹ Там же. С. 577.

⁴⁰ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. Т. 1. СПб., 1902. С. 36–49.

⁴¹ ПСЗ. Т. 27. № 20597.

⁴² ПСЗ. Т. 28. № 21265.

⁴³ История Ленинградского университета. С. 13–14.

⁴⁴ ПСЗ. Т. 30. № 23035.

⁴⁵ ПСЗ. Т. 33. № 26573.

⁴⁶ ПСЗ. Т. 36. № 27675.

© 1998 г. Б.В. ЛЕВШИН*

АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

(Историческая справка)

При создании Петром I в 1724 г. Академии наук одним из важнейших направлений ее деятельности предусматривалось создание в возможно короткие сроки национальных кадров специалистов.

Именно эта цель и стояла на первом месте при организации при Академии учебных заведений. До этого в России были только духовные училища и цифирные школы, а также специальные военно-учебные заведения – Морская академия, Артиллерийское и Инженерное училища.

В проекте Положения об учреждении Академии наук наряду со средним учебным заведением – Гимназией – предусматривалось открытие еще и высшего учебного заведения – Университета.

Он должен был состоять из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. На юридическом факультете предполагалось преподавать политику, этику и "натуральное право"; на медицинском – анатомию, химию и ботанику; на философском – логику, метафизику, "генеральную" и экспериментальную физику, математику, а также красноречие, древности и историю. В отличие от западноевропейских университетов в Академическом университете не преподавалось богословие.

Проект не предусматривал никаких сословных ограничений для поступления в академические учебные заведения. Об основании Академии наук в Петербурге были извещены специальными циркулярами русские дипломатические миссии. Наибольший интерес у иностранцев вызвало сообщение об открытии в России Университета. В письмах президенту Академии наук Л.Л. Блюментросту и помогавшему ему академическому библиотекарю И.Д. Шумахеру зарубежные корреспонденты пытались выяснить, будет ли этот университет пользоваться привилегиями, какие в нем будут факультеты и будет ли он присуждать ученые степени на уровне европейского статуса.

Университет был открыт позднее Академии наук, только после набора студентов. Обучение их было возложено на академиков. Кроме ежедневного чтения лекций им вменялось в обязанности обучать "под своей директорией" одного или двух студентов. Помимо этого, академики должны были составлять на латинском языке программы обучения по своей науке. Затем эти курсы с целью популяризации знаний переводились на русский язык.

Содержание лекций определялось научными интересами академиков и имело своей задачей систематическое изложение какой-либо отрасли знания. Академики, читавшие студентам лекции, именовались профессорами. Лекции обычно читались по-латыни.

Основной целью учебной деятельности Академии наук была подготовка национальных кадров ученых, чтобы впредь вакантные "места академиков домашними наполниться могли".

---

* Левшин Борис Венедиктович, доктор исторических наук, директор Архива Российской академии наук.